

Не всякому железнодорожному названию верь

–Лимон знаешь?

–Знаю...

–Апельсин видал?

–Разумеется.

–Если совсем не похоже – айва будет.

Это классически-глупое об'яснение невольно вспоминается по поводу некоторых названий Челябинской жел. дороги.

Можно думать, что как раз этим анекдотом руководился «изыскатель названий» железнодорожных станций.

Взять хоть раз'езд Сысерть.

Так он называется, очевидно, потому что в Сысерть никто не ездит.

По прямой линии до Сысерти оттуда будет верст 30, только дороги такой еще нет. Болота Гольян, Мочаловское и Терсутское и лесная глушь, где до сих пор нет ни одного поселка – надежная порука, что долго еще тут дороги не будет. Разве какая-нибудь экспедиция в весеннее время попытается по этим местам проскользнуть с лодкой из Чусовского в Исетский. Тут может оказаться удача. Но это уже дело исследовательское.

А пока с раз'езда Сысерть ездят в Полевской завод. Это под боком – всего 8 верст.

Прежнее название, которое попало на карты теперь уж не в ходу. Сменилось скромной цифрой 78.

Состарилась, а росту не было

Прошло уже более двадцати пяти лет, как из Полевского завода прорубали новую дорогу на ближайший железнодорожный раз'езд.

До сих пор еще памятно, как бока отбивало, при проезде по этой дороге, через пень на корягу, с камня на болотную слань.

С возами маяты было – говорить не приходится.

Разница только та, что раньше здесь бились с возами громыхающего железа, а теперь еще хуже. По этакой «шасее», идет такой груз, который вовсе бы не след и по хорошей дороге на лошадях возить.

На дрогах, огороженных спереди и сзади железными листами, стояли два ряда больших бутылей. По пяти в ряд. Двадцать пять пудов чистого весу.

Это везут купоросное масло.

Воза не тяжелые, но ни один извозчик даже на самых лучших участках дороги не присаживается на дроги.

Очень уж груз-то опасный. Железные листы – предохранитель ненадежный. Если разобьется бутылка, то нередко серной кислотой обжигает. И вовсе калечит лошадь. Ну, а человеку, если попадет, так вовсе плохо придется. Поэтому и идут все рядом с возами, напряженно посматривая, не треснула ли какая бутылка и не придется ли торопиться с выпряганием лошади, чтобы спасти ее от ожога.

Лошади, правда, страхуются, но все-таки каждая поездка – большой риск. Тем более, что стекло вырабатывается на заводе плохое, а дорога того хуже.

Какой она была 25 лет тому назад, такой и осталась.

Кой-где, правда, копошатся землекопы. Снимают «верховик» и укладывают по грунту «каменную постель» для настоящей *новой* дороги.

Идет подготовка и к устройству под'ездной узкоколейки чтобы перевозить купоросное масло в свинцовых цистернах, а не таким допотопным способом, как теперь.

А пока купоросное масло везут по самой невозможной дороге, и заводоуправление нередко вынуждено платить за искалеченных лошадей.

Встречные тоже сторожатся, об'езжают подальше, чтобы «ненароком не зацепить» опасный груз. У них ведь лошади не застрахованы.

Движенья много. К раз'езду, кроме серной кислоты везут колчедан-сырец, с раз'езда тянутся обозы с коксом.

На химический

Полевская красноармейка-вдова везет на химический завод. Таких кучеров в палатках не мало в длинной веренице, которая тянется с раз'езда по Полевской дороге. Встречается много женщин и с возами колчедана и кокса.

На вопрос, почему так много женщин с лошадьми «правится», наш словоохотливый ямщик пускается в жалобы.

–Прибили мужиков-то на войне да в революцию. Вот бабам и приходится в чужом гужу ходить. Взять хоть мое дело. С троими осталась. Тоже поднимать их надо. Одна вон в городе учится... В пионерах она там. Руководителем, – с гордостью прибавляет она. Которые и мужние работают на лошадях. Поддержка все-таки хозяйству. Муж на завод, жена колчедан возит. Кругом у них идет. Дешево только у нас, а работы всем хватает. Из-за этого не бьемся.

Проезжая по Полевскому заводу, можно тоже убедиться, что безработицы здесь нет. Нет унылого неживого вида, который стал привычным для большинства заводов на консервации.

Вместо старого завода только загороженное место с остатками труб, но в селении весело. Во многих местах идет постройка. Больше того видишь свежих заплат на домах: новые ворота, перекрытая крыша, наличники на окнах.

От центра Полевского до химического три версты. Дорога здесь хорошая. На ней непрерывное движение. Кой-где все-таки с дороги приходится сворачивать даже с возами кислоты. Это разбилась бутылка, и слой грязи, образовавшийся на пыльной дороге, опасен для лошадиных копыт.

– Часто у нас это. Бутылку, главное, плохо делают. Постоянно бьются – будь они прокляты! Лошадей сколько хочешь испортили.

Тихое место

В обширном заводском дворе много движения и шуму.

Дробно стучат в механической; звонко шлепают новые доски около лесопилки, звенит бутылка в сортировочном, глухо гудит, захлебываясь каменной пылью, дробилка, кричат люди.

Но все это только до 3-х часов. После трех тишина, а между тем завод на полном ходу, работает без перерыва.

Ушли подсобные рабочие, остались основные.

Особенность завода как раз в том, что основных рабочих–химиков горсточка, – человек 30-40, а подсобных больше 900.

Они добывают колчедан на Зюзельском руднике, подвозят, размалывают, готовят бутылку, кислото-упорный кирпич; работают в механической и столярной, возятся с закупоркой и отправкой готовых изделий. Но главное – переработка колчедана в серную кислоту идет неумовимо – кажется, что люди тут только охраняют.

В огромном здании кислотного отделения, где вырабатывается основной продукт – серная кислота, в смене менее 10 человек. В азотно-кислотном – один, в уварочном, где концентрируется серная кислота в рыночный продукт купоросное масло, занято трое.

Кажется странным вид этих рабочих, бесшумнодвигающихся в высоких резиновых ботах по узким коридорам и бесконечным лестничкам кислотного отделения.

Дело как будто у них пустяковое: ходить да поглядывать на градусники, на струю кислоты, на огонь в печи Геренсгофа, чтобы определить, правильно ли идет сгорание колчедана. Но когда присмотришься к лицам внимательней, то увидишь другое.

– Заботно у нас очень, – определил свою работу один из рабочих.

Определение самое подходящее. Именно «заботно». Чуть не досмотрел, сейчас же опасность или порча материала. Следить надо с полным напряжением все время,

отгадывая, что происходит в наглухо закрытой огромной свинцовой камере. Да еще дышать таким воздухом, от которого у непривычного человека начинается кашель до тошноты.

Свинцовая камера, где идет переход сернистого газа в кислоту, все время таит загадку. Как там? Не заглянешь!

«Проклятая бутылочка»

На стекольном заводе много веселее. Один уж огонь, на который смотреть больно, чего стоит. Колошатся люди. Прибаутка, смех, ругань.

Ругаться тут есть из-за чего.

Печь плохая. Из 350 бутылей только штук 7–8 выходит годных. При таком отчаянном браке поневоле заругаешься.

Вопрос стоит о закрытии завода или о переделке печи.

Местные работники отстаивают необходимость переделать печь, но химтрест, кажется, более склонен вести сюда бутылку из-за сотен верст. Считает, что это обойдется дешевле, чем затратить на переоборудование завода 40-50 тысяч руб.

Ну, это уж дела бухгалтерско-хозяйственные, как говорится.

Будущее завода

Теперь на химическом главный разговор о ватер-жакете. Он до сих пор стоял без действия. Теперь готовятся к пуску.

Основные работы уже закончены. Пуск назначен в последних числах июня¹.

Суть все-таки не в этом.

Ватер-жакет и раньше работал, выпуская медь, но сернистый газ, который получался от сжигания медистого колчедана, свободно уходил по высокой заводской трубе на волю.

«Вреды» он приносил не мало. Ближайший лес весь пожелтел и зачах, в северском пруду передохла рыба, в рабочем поселке дышать было трудно.

Теперь, пуская ватер-жакет, готовятся к использованию этого газа для переработки в серную кислоту.

При такой установке ожидается за год свыше миллиона пудов серной кислоты, которая раньше шла на ветер и отраву.

Вот эта возможность использовать дешевый отработанный газ и тянет к ватер-жакету внимание заводского населения.

Он – будущее завода.

¹ Прим. автора: «Пущен в действие 29 июня с. г. ».